

*Посвящается памяти талантливого
этнографа-сибироведа Галины Николаевны Грачевой*

Предисловие

Обращение к теме «мифология смерти» неслучайно и обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, в сибиреведении накоплен огромный материал по мифологическим представлениям, связанным с идеей смерти и погребальным культом. С другой — в научных исследованиях этнографов символическое содержание традиционной «погребальной культуры» Сибири лишь частично включалось в контекст архаических представлений о диалектике жизни и смерти, об изменении онтологического статуса человека и модификации космоса и социума, вызванных смертью, и т.п. Типы и способы захоронения, формы погребальных сооружений, которые являются ключевыми моментами в погребальной обрядности, так же как и весь комплекс обрядовых действий, целенаправленно не рассматривались на сибирском материале с позиций анализа их соотношения с мифологической картиной мира, присущей традиционным культурам региона. Многие вопросы, например почему бытовал тот или иной способ погребения, то или иное обрядовое действие, до настоящего времени в отечественном сибиреведении остаются без ответа.

Предшествующие исследования мифологической концепции смерти в традиционных культурах Сибири, как правило, проводились на материале культуры одного народа, группы родственных народов, народов, принадлежащих одному хозяйственно-культурному типу (ХКТ), или народов, находящихся на одной стадии социального развития. В статьях настоящего сборника представлены традиционные культуры большинства народов огромного Сибирского региона, заселяющих его территорию от лесостепей юга до северных просторов тундры и относящихся к самым различным ХКТ. В них рассматриваются мировоззренческие системы скотоводов-кочевников, таежных охотников-оленьеводов и оленьеводов тундры, оседлых рыболовов-охотников больших рек. Что касается социального развития, то в Сибирском регионе на разных этапах истории одни народы находились на стадии общинного строя, другие достигали предгосударственной стадии развития или входили в состав развитых государств и империй.

Общая картина мифологический представлений сибирских народов, в частности о смерти и мире мертвых, необычайно гетерогенна, что обусловлено сложностью процессов этно- и культурогенеза, в которых на разных исторических этапах важную роль играли культуры Центральной и Юго-Восточной Азии. Именно поэтому при всем сходстве общей структуры погребального обряда и его функций, характерных для большинства архаических и традиционных культур, в конкретной обрядовой практике сибирский материал отличается большим разнообразием, и его введение в научный оборот представляет собой новый источник для дальнейшего изучения особенностей религиозно-мифологического сознания. Более того, он представляет собой уникальный материал для сравнительно-типологических исследований.

Немаловажную роль в выборе темы сыграло и то обстоятельство, что мифологическая концепция смерти в архаических и традиционных обществах, как и семантика, структура и функция ритуала вообще и погребального в частности, разрабатывались представителями гуманитарных наук с конца XIX в. Благодаря работам Дж. Фрезера, Б. Малиновского, В.Я. Проппа, Д.К. Зеленина, Н. Харузина, А. Ван Геннепа, М. Элиадэ, В.Н. Топорова, А.К. Байбурина и многих других обобщен и систематизирован колоссальный материал по различным регионам мира, разработана его типология, созданы методика и методология изучения обрядовой сферы культуры, т.е. существует достаточно прочная теоретическая база для научного анализа сибирского материала. Авторы представленных статей полагают, что предпринятое ими изучение мифологической концепции смерти в традиционных культурах Сибири в широком плане внесет определенный вклад в изучение мифопоэтической картины мира, присущей традиционным культурам.

Однако настоящий сборник не претендует на всестороннее освещение столь сложной темы, как «мифология смерти» в традиционном мировоззрении народов Сибири. Выявить полное содержание погребальных обрядов, их роль в социальной жизни традиционного общества и место во всей обрядовой сфере культур столь обширного региона на данном этапе не представляется возможным в силу разобщенности и разбросанности материала и отсутствия его систематизации. Наиболее продуктивным и заманчивым представляется взгляд на «погребальную культуру» сибирских народов «изнутри», т.е. выявление мировоззренческой основы обрядовых действий, связанных со смертью человека и его погребением, в контексте представлений о душе, происхождении смерти, мире мертвых, пути в загробный мир, содержащихся в различных мифологических и фольклорных текстах. Это не значит, что в статьях не уделяется внимание таким аспектам темы, как структура и функция погребального обряда, наоборот, они

являются своеобразным «скелетом» исследования, т.к. именно в них содержится главное содержание ритуала.

Следует отметить, что смысл многих элементов погребального культа в Сибири уже в начале XX в. был во многом утрачен носителями данных традиций. Не получил он всестороннего отражения и в научных публикациях. Именно это обстоятельство определяет выбранную методологию исследования, в основе которой лежат сравнительно-типологический и структурно-семантический методы изучения явлений культуры. Первый дает возможность при недостаточности источников для прочтения «текста» погребальной культуры одного народа привлекать данные из родственных или стадияльно близких культур, второй — выявить мифологическое содержание обрядовых действий.

Двадцатый век явился глубочайшим прорывом в области изучения символизма культуры и в частности культуры архаических и традиционных обществ, существовавших и существующих на различных континентах нашей планеты. Открытие бессознательного и появление теории «мифологического мышления» спровоцировали широкий интерес философов, этнологов, лингвистов, историков религии к проблемам символики языка, мифов, обрядов и ритуалов, искусства и многих других видов деятельности человеческого разума. Усилиями мирового научного сообщества были выявлены главные черты осмысления окружающей действительности народами, находящимися на архаической стадии развития. Важнейшими достижениями здесь стало открытие идеи тождества макро- и микрокосма как основополагающей для архаического сознания, а также смысла и функции мифа как текста сакральной истории и модели для подражания при совершении обрядов и других значимых действий. Не удивительно, что в контексте нового научного подхода «смерть» как одна из основных категорий архаических мировоззренческих систем неоднократно становилась предметом изучения этнологов. Такие аспекты этой темы, как возникновение идеи «смерти», половозрастные корреляции в отношении к смерти, ритуальная смерть и ее функция в обрядах инициации, мифическая география загробного мира и его место в модели Вселенной и многие другие, достаточно хорошо исследованы на материале различных автохтонных культур Австралии, Африки, Америки, не говоря уже о древнейших цивилизациях. В связи с этим возникла острая необходимость изучения мифологической концепции «смерти» в традиционных мировоззренческих системах Сибирского региона в контексте общих космогонических и космологических представлений.

Предлагаемый сборник знакомит читателя с наиболее важными комплексами мифологических представлений народов северного

ареала Евразии, связанных с идеей «смерти» как перехода к иной форме существования, что стало парадигмой для всех обрядов жизненного цикла. Одним из них стали мифы о происхождении смерти, которые лежат в основе формирования контекста погребальных обрядов и дают ключ к пониманию многих аспектов символического содержания этого ритуала.

Второй по значимости комплекс составляют представления о душе. Тема эта интересует исследователей уже не одно десятилетие, тем не менее понимание этих представлений все более и более запутывается. В целом анализ этой проблемы развивался в отечественной научной традиции от признания у сибирских народов представлений о множестве душ до наличия идеи единой души, обладающей множеством качеств. Однако она осложняется еще и образами «живой» и «мертвой» души, «живых» покойников, покойников, возвращающихся в мир людей из мира мертвых, и сложными воззрениями на судьбу «души» в загробном мире. В целом же в культурах Сибири существуют представления как о возвращении души в мир людей и ее воплощении во вновь родившемся ребенке (реинкарнации), так и о том, что души предков, умирая в первом мире мертвых, возрождаются в другом, более отдаленном и, проживая там еще одну «жизнь», исчезают навсегда. Столь сложный характер этих представлений обусловил обращение к сравнительному анализу лексики, связанной с терминами, соотносимыми с понятием «душа» у разных народов, который, безусловно, окажет определенную помощь в решении этой проблемы.

Тема «души» непосредственно связана с представлениями сибирских народов о мире мертвых — о его локализации в структуре Вселенной и соотношении с нижним (подземным) миром. Эти представления весьма противоречивы. В мифах, легендах и сказках одного и того же народа можно встретить самые разнообразные образы «мира мертвых» — от благодатной земли, расположенной за пределами среднего мира, до мрачного пространства с постоянной зимой в глубине земли или в океане. Более того, широко бытуют предания о нескольких загробных мирах. Возможно, это объясняется тем, что воззрения как о душе, так и о мире предков прошли длительный путь развития и архаические идеи тесно переплелись в них с более поздними, возникшими под влиянием древних цивилизаций Востока, а также христианства.

Здесь же следует напомнить, что в Сибири у одного и того же народа традиционно бытовали разные типы и способы погребения, некоторые различия наблюдались и в сопровождающих их обрядах. Насколько идеи, лежащие в основе этих способов и обрядов, сохранились в мифологической картине мира сибирских народов, предстоит выяснить в будущем, однако дать определенное обобщение

ние материала по погребальным обрядам некоторых народов Сибири показалось авторам сборника достаточно актуальным.

Основными источниками в работе явились литературные и архивные материалы, предметные и иллюстративные коллекции музеев, а также полевые материалы авторов. Временные рамки исследования охватывают главным образом XIX — начало XX в., однако там, где позволяет материал, затрагиваются и более ранние эпохи.

Как представляется, изложенный в статьях сборника материал и его анализ существенно дополняют наши знания о мировоззренческих системах традиционных обществ Сибири и являются основой для нового уровня изучения архаических мировоззренческих систем. Авторы надеются, что работа будет интересна не только специалистам и самим коренным народам Сибири, но и более широкому кругу читателей.

Л. Павлинская